

лодца с головой: «К чему ты меня, голову, побросоваешь, я молодец не хуже тебя был, да умею я молодец воляться», — говорит голова в первой части былины и сообщает о неизбежной гибели Василия, тот смеется над ней: «Али, голова, в тебе враг говорит или нечистой дух». Конец былины, рисующий повторную встречу молодца с мертвой головой, несколько видоизменяется. Отбрасываются слова Василия «али, голова, в тебе враг говорит», и та же часть из рассказа головы выглядит так: «К чему ты меня, голову, попинываешь, да к чему побросоваешь, я молодец не хуже тебя был, да умею я молодец валяться». Эпитет к дружине «хоробрая» имеется только в первой части, вторая не дает вообще никакого оценочного эпитета к слову «дружина».

Эти наблюдения — лишь крайне предварительные наброски. Следует тщательно проверить их, исследовав стыки текстов, написанных 1-м и 4-м почерками. Это даст, на наш взгляд, возможность строго отграничить состав листов Сборника 1765—1768 гг. в том виде, в каком он вошел в Сборник 80-х годов XVIII в.

Выяснению состава Сборника 1765—1768 гг. может, хотя и косвенно, послужить одна из палеографических особенностей Сборника 80-х годов. Дело в том, что листы с 1-го по 9-й, написанные почерком 1-м, кое-где, видимо, подгонялись переписчиками под какие-то листы, служившие им «оригиналом». Если строки не входят, переписчик теснит их, если остается много места в конце листа, то оставшиеся слова он стремится растянуть, написать более крупно. Особенно ярко это выглядит на л. 8 об., перед началом л. 9, при смене почерков. Вместо 6—7 слов переписчик вмещает только 4, стараясь точно подогнать текст былины к ее продолжению, видимо существовавшему ранее.

Там, где листы Сборника 1765—1768 гг. переписываются, «копиист», должно быть по строгому заданию редактора, сохраняет первоначальный текст без изменений и дополнений (ср. лл. 18 и 23 с новонайденными). В этих листах можно обнаружить лишь писарские ошибки и неправильные прочтения ряда слов. Тем не менее разночтения новонайденных листов и соответствующих листов Сборника очень интересны.

Еще одним свидетельством в пользу более ранней датировки новонайденных листов является, например, эпитет к слову «дуб» — «крекостой» (крязистый). Это слово понятно старожилам Урала, особенно Пермской области, ее районов по Каме и Вишеру, и представителям старшего поколения населения Поволжья (район Ульяновска). Возможно, что оно имеется и в других говорах. Однако Сборник Кирши Данилова дает нам его в иной диалектной огласовке: «крековистой» в текстах, написанных 1-м почерком. Между тем в размер былины «О женитьбе князя Владимира», поющейся на $\frac{4}{4}$ (судя по нотам), да еще, видимо, и скороморшым наговором, лучше вмещается слово «крекостой», нежели «крековистой».

Далее в листах Музейного собрания пишется: «Ступил Ермак на переходню обмачивую» (ср. «бусенец обмачливей дождя»), т. е. намокшую, опущенную в воду, поэтом скользкую. Переписчик переосмысливает «темное» для него слово и дает такой для него более ясный вариант: «ступил на переходню обманчивую».

Ряд «писарских» ошибок в Сборнике ГПБ свидетельствует также о том, что новонайденные листы послужили ему «оригиналом», например: в Музейной рукописи «татара збунтовалися», «на Ермака Тимофеева напушались», в Сборнике «збунтовалися», «капушались».

Создается впечатление, что составители Сборника 1765—1768 гг. при копировании и редакторы Сборника 1781—1785 гг. при «реставрации» стремились сохранять особенности подлинника, не допуская даже малей-